

И. В. Кондратьев

ЛЮБЕЧ КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРЩИНЫ В XIII–XVII вв.

Выгодное географическое расположение — на высоком левом берегу Днепра, сделало Любеч одним из важнейших военных, политических и торговых центров Чернигово-Северщины. Прежде всего, город становится центром военной организации края, ведь Любеч замыкал собой главную транспортную артерию региона — р. Днепр, защищая с севера земли Среднего Поднепровья. С присоединением региона к Великому княжеству Литовскому город стал центром волости Киевского воеводства, а после Люблинской унии 1569 г. — центром староства. Центром военной организации Любеч сделало наличие в его округе так называемой «служебной» шляхты — мелкопоместной и не имеющей всей полноты шляхетских прав. В общей сложности около 350 родов любечской шляхты в течение как минимум десяти поколений жили в окрестных селах Любечской волости-староства, а в дальнейшем, во времена Гетманщины — любечской сотни Черниговского полка.

Это обусловило специфику истории региона — большинство его населенных пунктов были либо ее владениями, либо непосредственно обязаны своим происхождением местной шляхте. Из более чем 200 сел, связанных с историей Любеча, 35 % названий аналогичны фамилиям местных шляхетских родов. Историки даже ведут речь о существовании на Чернигово-Северщине отдельного подтипа села — «шляхетского», в котором жила одна или несколько шляхетских семей [Кулаковський, 2006. С. 339]. Подобная ситуация наблюдается и в других странах Средневековой Европы. Например, в Польше, где околицы древних городов-замков, известных с XI–XII вв., стали центрами организации мелкой служебной шляхты [Вогускі, 1972. С. 225–226]. Аналогично находим и в истории Московского государства, где основной формой служебного землевладения была вотчина, имевшая безусловный военно-служебный характер. Своего максимального развития вотчины достигли на территории некогда независимых княжеств Московского государства — Владимиро-Московского, Нижегородского, Ростовского, Суздальского, Тверского и более мелких уделов [Шватченко, 1990. С. 36]. Очевидно, запоздалый процесс централизации этих территорий позволил сохраниться наиболее архаическим формам землевладения.

Фундамент превращения Любеча в центр военной организации необходимо искать во времена Киевской Руси, когда город, как один из центров Черниговского княжества, представлял собой феодальный замок. Именно тогда началось формирование и Любечской округи как историко-географической территории. Очевидно, в древнерусское время на землю были посажены военнослужебные элементы, что подтверж-

дается археологическими исследованиями. По мнению исследователей, приграничное положение региона заставляло князей содержать значительные резервы конных дружинников, наделенных землей [Рыбаков, 1982. С. 478; Яковенко, 1993. С. 26–27; Кондратьев, 2012а. С. 93–96]. Еще до монголо-татарского нашествия могла быть посажена на землю военно-служебная категория «данников» или «мужей» [Голубовский, 1881, С. 21; Ефименко, 1903. С. 106–107]. В пользу этой версии свидетельствует факт локального размещения этих категорий жителей в небольших поселениях — от 10 до 20 дворов. Наличие подобных военно-служебных элементов подтверждается археологическими исследованиями — находками предметов вооружения и военного снаряжения, не характерных для сельских поселений [Веремейчик, 1998. С. 54].

По летописным данным, именно между Черниговом и Любечем была вотчина («вся жизнь») черниговских князей. В междуречье Десны и Днепра археологами зафиксировано около 200 сельских поселений XI–XIV вв. Фиксируются тут и летописные города — Листвен, Рогоща, Сибереж, а также многочисленные древнерусские городища XI–XIII вв., к примеру — Поруб, Звеничев, Городище (под Новоселками) и др. [Шекун, Веремейчик, 1988. С. 93–110]. Интересный топоним еще в начале XIX в. существовал неподалеку от Любеча — село Непущицы (между городом и болотом Паристое) — очевидно, место военной заставы. Названия многих сел округи оканчиваются на суффикс *-ич-и*: Голубичи, Губичи, Даничи, Неданчичи, Яриловичи. По мнению исследователей, в основе этих топонимов лежат древнерусские наименования [Кордуба, 1924. С. 8]. На значительное количество сельских поселений времен Киевской Руси вокруг городов — центров военной организации, обращают внимание и польские историки [Bobiński, 2000. С. 481–568].

Осенью 1239 г. Любеч был захвачен монголо-татарами и, очевидно, уничтожен. Хотя город и не упоминается в письменных источниках среди городов, сожженных Батыем в 1239–1240 гг., археологи В. Коваленко и А. Казаков связывают гибель Любечского замка именно с этими событиями [Коваленко, Казаков, 1994, С. 32–34]. В округе Любеча (как и в самом городе) фиксируется керамический материал XIII–XIV вв. — на поселении Высокое Поле под городом, а также около с. Макошин и Сибереж [Веремейчик, 2007. С. 366–367; Чернігівщина, 1990. С. 741]. На сегодня керамический материал этого периода выявляется исследователями и в уже известных коллекциях. К примеру, новая интерпретация позволила выявить керамику XIV–середины XVI в. в материалах раскопок около с. Радуль и с. Рогоща [Капустін, 2012. С. 12–13].

Несомненно, что во время татаро-монгольского нашествия часть местного населения нашла себе приют в многочисленных любечских болотах и чащах. На территории округа есть село с названием Убежичи (около с. Петруши — владения любечских бояр Петрушевичей). Один из углов («куточков») села называется по настоящее время «валом» («кольцо, сделанное в болоте») [Павленко, 2013. С. 169], что может свидетельствовать о наличии там городища.

В первой половине XIV в. Любечский замок тянулся к Брянску, именно брянские князья считались тогда старшими (великими) князьями черниговскими [Русина, 2007. С. 19]. Интересный топоним — с. Добрянка (т.е. «добра брянские») по сегодня находится на территории округа. В реестре любечско-черниговской границы 1527 г. находим топоним «брянцевы лозы» (между с. Плехово и речкой Руда), а с. Малый Листвен (Листвен) названо владением «владики брянского» [Русина, 1993. С. 300–302]. Очевидно, документ отображает реальную границу Черниговских и Брянских земель в конце XIII — первой половине XIV в.

В XIV в. Любеч и его округа вошли в состав Великого княжества Литовского. В этот период государство активно сажает на землю военнослужебные элементы. Источником пополнения служебной шляхты были и обедневшие древнерусские боярские роды. В XIV–XV вв. на Киевщину (а Любеч вошел в состав Киевского княжества) могла переселиться и определенная часть брянского боярства [Кондратьев, 2006. С. 41].

В конце XIV в. Любеч перешел во владение литовских бояр Монивидовичей (владели до 1475 г.). Именно при Моноидовичах началось строительство нового любечского замка. По логике развития города, древнерусский детинец, где когда-то находился княжий двор, уже имел земляные укрепления в виде вала и рва, отделявшего его от посада. Новые владельцы полностью использовали этот фактор, построив замок на месте древнерусского детинца [Ситий, Кондратьев, 2012. С. 13].

В этот период продолжается формирование любечской шляхты. Хотя большинство местной военнослужебной людности было автохтонным, важную роль в ее формировании сыграл аллохтонный тюркский элемент. Первые военные поселения тюрков на «военном праве» на Киевщине относятся к последней четверти XIV в. (после 1380 г.) [Borawski, 1977. С. 291–292, 295–296]. Пленные ордынцы были расселены после похода литовского князя Витовта на Дон в 1397–1398 гг. Причем, как считают исследователи, они получили права, подобные правам шляхты [Любавский, 1915. С. 127]. Тюркские корни имели роды Чемерисов (Казанских) — нобилизованные Сигизмундом II Августом, Феремичей и Файов. Малиновской (Мотковской) землей владела семья Татариных (Татариних-Михновых), получившая подтверждение на это владение (с. Татарине) от Сигизмунда III [Jablonowski, 1877. С. 203; Jablonowski, 1911. С. 34]. Основателем рода Бокевичей-Щуковских

мог быть какой-то Бокей (древнетюрк. — «герой» или «силач»). Татарские корни имел род Бурдюков (хутор Бурдюки) и др. По мнению исследователя С. Павленка, тюркское происхождение имеет и название села Москали — от слова «мискал» или «маскал» (золотник, мера для взвешивания) [Павленко, 2013. С. 556].

С 1471 г. город стает центром волости Киевского воеводства, а с 1477 г. Любечем правят великокняжеские наместники. 2 октября 1483 г. Любеч был отдан Казимиром Ягеллоном «у вотчину» московскому эмигранту Василию Михайловичу Верейскому [Русина, 2008. С. 114–116]. В 1500 г. Верейский умер, на короткое время владительницей города стает его жена с дочерью Софией. В 1500 г. Любеч у нее отобрал стародубский князь Иван Андреевич Можайский, перешедший на сторону Великого княжества Московского [Леонтович, 1894. С. 197]. В том же году Любеч упомянут среди городов, пострадавших во время войны [Русина, 1998. С. 195]. По мнению польских историков, Любеч был возвращен Литвою в 1507 г. [Grabski, Nadolski, 1965. С. 253]. М. Кром считает, что литовцы захватили Любеч только после подписания мирного договора 8 октября 1508 г. [Кром, 2010. С. 200, 212, 225].

Сложно сказать, много ли успело сделать Московское государство для развития Любеча как военного центра. Е. Русина считает, что значительная часть местных жителей в 1500 г. покинула свои «отчизные земли» [Русина, 1998. С. 195]. Очевидно, что московские наместники также сажали на землю военнослужебные элементы. По мнению церковного деятеля и исследователя Черниговщины Филарета (Гумилевского), мелкобоярский род Глебовичей (Глебовичей-Пероцких) получил земельные пожалования именно в этот период [Филарет, 1874. С. 226]. Известно, что в 1571 г. Пероцкие владели селами Пероцк, Горск, Плоским лесом, Творичовским борком, озером Турищ (Скурищ) и дубровою Чернычин лес [Луцицкий, 1901. С. 7–9]. После 1508 г. на территории Любечской волости осталась какая-то часть осажённых на землю московских боярских родов («детей боярских») — Васильевичи, Глинские, Дроздовские, Жуковы, Кузнецовы, Кушнарёвы и др. По данным Н. Яковенко, жителей Любеча, учитывая его географическое положение, «часто называли москалями» [Яковенко, 1993. С. 275].

После возвращения Любеча в 1508 г. в состав Великого княжества Литовского и до 1537 г. (когда Литвою был возвращен Гомель), земли Любечской волости фактически со всех сторон были окружены московскими владениями, за исключением небольшого участка между Сожем и Днепром, через который волость и соединялась с ВКЛ. Потеря Московским государством Любеча привела к потере контроля над Днепром, только небольшой участок московско-литовской границы, зажатый с юга Любечскими, а с севера — Черчерскими землями, выходил к реке [Темушев, 2009. С. 105, 153].

В 1516–1549 гг. Любеч стал владением Альбрехта Гаштольда и его жены Софии Гаштольд-Ве-

рейской (дочери В. Верейского). В 1516 г. Любеч был передан ему в «вечность», в 1522 г., несмотря на то, что шла очередная литовско-московская война, это пожалование подтвердил Сигизмунд I [Вялікае княства Літоўскае, 2010. С. 315–316]. Археологические материалы позволяют нам утверждать, что во времена владения городом Гаштольдами на территории замка был построен жилой дом [Ситий, Кондратьев, 2012. С. 14].

В этот период в Любечской округе появляются новые военнослужбные владения. А. Гаштольд в 1526 г. отдал половину Змеевского «острова» Бильдухам [Лазаревский, 1866. С. 40–41]. Село Буянки получила от Гаштольда семья Даничей [Константинович, 1885. С. 32–33]. В 20-е гг. XVI в. подтверждение на владение с. Кувечичи получили бояре Кувечичи [Филарет, 1874. С. 250]. Очевидно, что часть пожалований были сделаны после войны 1534–1537 гг. — на территории приграничной к Гомейской и, возможно, Брагинской волости. К примеру, от А. Гаштольда князь Иван Сенский получил правобережные с. Колодчичи (Колодовицы): «жоне и детемь его» [Литовская метрика, 2003. С. 121].

По мнению А. Яблоновского, именно в первой половине XVI в. — время правления Сигизмунда I (1506–1548 гг.) — Любеч окончательно оформился как «украинный королевский замок» [Jablonowski, 1911. С. 2]. В этот период была упорядочена и процедура выезда околичной шляхты на службу — она была обязана выставлять одного вооруженного всадника с восьми «служб» [Grabski, Nadolski, 1965. С. 305].

В 1539 г. А. Гаштольд завещал свои имения жене, умер он в 1542 г. Новой владетельницей Любеча стала София Гаштольд-Верейская, которая на семь лет пережила своего мужа. После 1549 г. Любеч перешел к великому князю как вымороченное владение и стал центром Любечского староства. От имени князя Любечем управляли киевские воеводы. Воспользовавшись моментом, войска Великого княжества Московского захватили Любеч. В 1551 г. наместник воеводы Матвей Кмыт был захвачен в плен московско-татарским союзным войском и заточен в Любечском замке, где и погиб. Его родственник, остерский староста Филон Кмыт (Кмыт-Чернобыльский) отвоевал Любеч и сжег Чернигов. Против него выступил отряд во главе с князем Мышецким, но отряд был разбит, а князь попал в плен. Российский воевода Стародуба осуществил поход через Любечское староство на р. Снов, где во время боя Ф. Кмыт был ранен [Клепатский, 1912. С. 271; Милорадович, 1871. С. 12; Литовская метрика, 1996. С. 141].

Самым деятельным старостой Любеча в XVI в. был Павел Сапега (ок. 1490–1580 гг.), занимавший эту должность с 1560 по 1580 год, с 1566 г. он был и киевским каштеляном. Значительное влияние на дальнейшее развитие региона имела Ливонская война 1558–1583 гг. Возобновление активной фазы войны в 1560 г. потребовало усилий от Павла Сапеги по усилению обороны края. В 1561 г. П. Сапега собирал военные силы зам-

ковой околицы: «штобы по торгах во врадех своих кликати казали, ажбы днем и ночью на войну поспешали ся» [Литовская метрика, 1996. С. 53–54]. В декабре 1561 г. шляхта Любечской волости должна была выехать на войну, а случае отказа заплатить деньги: «с каждого коня, колько их повинен ставити ку войне, по две копи грошеи дал». Любечский замок был приведен в боевую готовность: «абы еси на tych замках наших, врадех своих, в добром опатрности и осторожности мешкал» [Литовская метрика, 1996. С. 69, 81–83].

Учитывая, что шляхту собирать на войну было все труднее (участие в войне для шляхты было «полудобровольным»), с этого периода к военной службе в Любече привлекаются казаки. В 1561 г. П. Сапега взял казаков на военную службу: «и што будет там людей службных козаков, которые будет у войско ку службе нашої господарской згодили, имена их на реистр списал и тот реистр до нас ничего не мешкаючи послал» [Литовская метрика, 1996. С. 80–81]. И хотя армия Великого княжества Московского не смогла развить наступление («неприятел наш княз великии московскии несправедливе посел, через воиско наше есть добыт»), старостам украинских замков был дан приказ быть «в доброи опатрности и осторожности» [Литовская метрика, 1996. С. 69].

В феврале 1562 г. шли московско-литовские переговоры, в связи с чем любечский державец должен был сохранять мир на границе любой ценой: «штобы зачепки и причины з стороны нашое ничим не даны» [Литовская метрика, 1996. С. 89–90]. В это время любечская шляхта держала оборону Любеча и околичных сторожевых пунктов — «жебы у в осторожности мешкали и люди з осады не роспускали». Когда в апреле 1562 г. московская армия снова начала военные действия («зрадливе через люди свои при границах панства нашого шкоду огнемь и мечом вчиниль»), староста организовал оборону замку — «замок... добре осмотревши и вбезпечивши через службники свои и козаки и подданные наши тамошние» [Литовская метрика, 1996. С. 92–94].

Очевидно, что количество казаков в Любече постепенно возрастала, в июне 1562 г. любечские казаки были взяты на довольствие [Литовская метрика, 1996. С. 108–109]. В том же году Любеч был усилен огнестрельным оружием: «маеть быти послано фальканеты спижаных 2, гаковниц менших 25, ручниц 40, мождчери што порох робять 2. Куль до тое всее стрелбы... маеть быти так много, яко до половицы тое стрелбы» [Литовская метрика, 1996. С. 117].

В 1562 г. военные действия шли непосредственно на территории Любечской округи. Чернобыльский староста Ф. Кмыт разгромил бошой отряд московского воеводы, шедший из Чернигова на Остер, после сжег Чернигов и отступил назад в Любеч [Лепяев, 1999. С. 20]. В этот период временными союзниками Великого княжества Литовского стали татары. Любечскому державцу приказывалось «жебы бояром и всим подданным... и земляном, мешчаном... держанья своего любечским и слугам своим, и тем козаком

тамошним грозно под... караньем нашим... аби они на всем противно татаром белгородским... спокоюне заховали до земли их... не ходили» [Литовская метрика, 1996. С. 119–120].

В сентябре 1562 г. киевский воевода Василь-Константин Острожский собирался осмотреть Любечский замок: «аби еси в доброй опатрности и безпечности замок наш Любеч осмотревши, за писанием князя воеводы киевского». Тогда же старания Павла Сапеги были оценены Сигизмундом II Августом, который вызвал старосту в Киев: «сам до Киева ехал и там водле часу и потреби... с князем воеводою киевским бы есте служили» [Литовская метрика, 1996. С. 119–120]. В 1565 г. киевский воевода напал на Чернигов [Кемпа, 2009. С. 51]. В ответ, в 1566–1567 гг. московскими войсками был разорен Любеч [Мальченко, 2001. С. 193].

Люблинская уния 1569 г. привела к изменению государственной принадлежности города, который вместе с Киевским воеводством отошел к Речи Посполитой. Это событие значительно ускорило процесс юридического оформления местной шляхты в полноправное сословие [Кондратьев, 2006б. С. 37–38]. Учитывая приграничное положение Любеча, королевская власть освобождает любечских бояр и мещан от старых и новых «мыт и поборов» [ЦГИАУК, КМФ-36, Оп. 1, Д. 192, Лл. 42–43]. С этого времени любечская шляхта активно получает королевские привилегии, которые подтверждают шляхетские права и землевладения. Одним из первых, 26 июня 1570 г., любечский шляхтич Василь Розсудевский «с Киева» получил подтверждение «на землю Розсудевскую (с. Розсудов) и озеро Святое и на три его службы людей оселых при замку Любецком», данных от «пана Киевского» (каштеляна) Павла Сапеги [ЦГИАУК, КМФ-36, Оп. 1, Д. 192, Лл. 15–17]. Королевские грамоты давались любечской шляхте во время проведения вального коронного сейма в Варшаве. К примеру, 13 марта 1571 г. грамоту получили четырнадцать любечских земян, а 30 июня — семь. В грамоте указывалось, что необходимость подтверждения владельческих прав связана с потерей аутентичных оригиналов: «а иж листы и привилей, которые на тыя земли свои отчизные мели, от неприятеля нашего московского з маетностями их забраны, а иншие за погорением от огня в них зостаты не могли». За часть семей, согласно положениям Литовского Статута, поручался любечский староста П. Сапега [Филарет, 1874., С. 95–96; Каманин, 1894. С. 26–27]. На утерю грамот во время военных действий указывалось во многих документах любечской шляхте Сигизмунда II Августа и Стефана Батория.

В 80-е гг. XVI в. любечская шляхта активно обращается к королевской власти за универсалами. Очевидно, что это было связано с проведением в 1571 г. в Любечском старостве королевской ревизии (люстрации). Одним из итогов этой ревизии стал переход мелкой шляхты в казаки. Возможно, что этому способствовал и любечский староста Михаил Вишневецкий (1583–1585 гг.), один из фундаторов казацкой службы. Среди

пожалований этого периода отметим привилей Стефана Батория 1581 г. боярину Василию Кривопише-Неданчичу с «другими обывателями замку Любецкого» на владения в с. Неданчичи. В том же году права на Кувечицкую землю подтвердили земяне Бывалкевичи [Jablonowski, 1877. С. 197–198; Каманин, 1894, С. 26–27; ГАЧО, Ф. 86, Оп. 1, Д. 28. Л. 278]. 20 февраля 1581 г. Пархом Гольник получил подтверждение на половину службы в с. Позноховичи, что на московском рубеже [Кривошея, 2012. С. 319].

В этот период участились и приграничные конфликты. 10 мая 1585 г. московским государством были выдвинуты претензии к жителям Остра, Любеча и Полтавы, которых обвиняли в «задорах, боях и грабежах» [Папков, 2004. С. 89–90].

Королевские чиновники Речи Посполитой отмечали важное стратегическое значение Любеча. В инструкции 1594 г. любечскому старосте В. Хотимерскому указывалось на необходимость содержания замка в надлежащем состоянии: «меновите будуванья новые, поправленья старого, так же армату нашу безь всякое шкоды нашею и Речи Посполитой и ублизенья подданных наших отпраовати и заведовати» [Грушевский, 1928. С. 267]. В 1606 г. королевские ревизоры описали Любечский замок: «замок и городок Любеч находится на горе, в четырех или пяти гонах от Днепра, а озеро (Болгач) в 100 гонах, передгород находится под самой Замковой горой с бока Брагинина, что на правом берегу (Днепра) над рр. Брагинкою и Едучью, этими же воротами заезд в город, улицей, которая ведет к рынку около горы». Центральная часть города — Замковая гора, была небольшой — длиной «на выстрел из лука». На территории посада было всего четыре улочки, три из которых вели к рынку, одна — к Брагинским воротам. Кроме Брагинских в городе были еще Киевские ворота. Замковую гору соединял с городом цепной подъемный мост («взвод з двома цепами»). При входе в замок стояла двухэтажная башня, замковая стена состояла из двух ярусов («две городни, одна ниже, а другая выше, на них бланкование». Надстроенное над стеной «бланкование» было приспособлено для стрельбы («подсябитья»). Город был огражден частоколом, возведенным на валу [Милорадович, 1996. С. 2]. Посад, в отличие от замка, не был огражден мощными стенами. В документе 1649 г. приводится характеристика оборонных возможностей Любеча: «От Днепра (напасть) нельзя, ведь замок, а с поля, от Поповаго фольварка лучше и для стрельбы пушками и для атаки..., а еще легко жечь передгород, разделенный на три части» [Джерела, 2012. С. 263, 265].

В условиях подготовки войны за Чернигово-Северщину в конце XVI — начале XVII в. роль Любечского староства и его шляхты возрастает. Именно Любеч в 1609–1611 гг. стал опорным пунктом польско-литовской армии. В марте 1610 г. отряду киевского подкомория Самуела Горностая удалось под видом рыбаков проникнуть в Чернигов. Город был подожжен, население разбежалось. Интересно, что Горностая со-

бирался снять колокола с Елецкого монастыря и отвести их в Любеч [Кулаковский, 2006. С. 249]. Хотя окончательно Чернигов был захвачен только зимой 1611 г., коли войска Речи Посполитой от любечского с. Пакуль совершили вылазку: «...в той час з черниговского замку московское войско уступило и Чернигов од Горностая спаленый был» [Яблоновский, 1997. С. 133].

В конце 1612 г. Любеч был занят московской армией. Был пленен и тогдашний любечский староста Николай Струсь. В 1612–1613 гг. Любеч и его округа сильно пострадали от нападений: «добра наши (королевские)... Любеч, держание... Николая Струся с Коморова... от Москвы попалене и спустошене». Королевская власть направила в город «комиссаров», которые должны были выяснить масштабы разорения [Volumina Legum, 1859. С. 92; Bobiński, 2000. С. 230].

В 1616 г. Любеч был окружен новым острогом [Мальченко, 2001. С. 194]. Весной 1617 г. (по мнению А. Папкова, это произошло в 1616 г. [Папков, 204. С. 121]) московско-татарская армия совершила новые вылазки на Черниговщину. 4 апреля 1617 г. пострадали околические любечские села: «Петр Чюдин с ратными людьми в Литовской земле от Любеча за семь верст села и деревни многие повоевали, и многих литовских людей побили, и языки поимали. И ему дано государева жалованья за сеунчь («весть о победе») в приказ из Большого приходу 5 рублей» [Памятники, 1995. С. 42–43].

12 мая были сожжены любечские посады: «Мая в 12 день присланы с сеунчом козлитин Тимофей Шепелев да атаман казачей Микита Тяпкин из Новагородка Северского от воеводы от Прокофья Воейкова с тем, что он, Прокофей, а с ним головы и атаманы и казаки (ходили) в Литовскую землю под город под Любечь... И приход под город под Любеч посады пожгли и вылозных многих литовских людей побили, и уезд Любетцкой, села и деревни, повоевали и пожгли, а в языцах взяли литовских людей 70 человек. И им дано государева жалованья за сеунчь в приказ из Большого приходу Тимофею Шепелеву 8 рублей, атаману Миките Тяпкину 7 рублей» [Памятники, 1995. С. 42–43].

Хотя посад Любеча и был уничтожен, сам замок не пострадал. Свидетельством этого является сообщение московского воеводы И. Борятынского, где сообщалось, что захваченных в 1616–1617 гг. московские пленные содержатся в Любече [Папков, 204. С. 123].

От начала правления Владислава IV (1632–1648 гг.) началась очередная война с Московским государством. Войска боярина М. Шеина «воевали... литовские города» [Grabski, Nadolski, 1965. С. 492]. В 1633 г. военные действия шли непосредственно около Любечского староства [Кулаковский, 2006. С. 112–113, 12–125]. Только подписание Поляновского трактата в 1634 г. принесло долгожданный мир. Присоединение Черниговщины к Речи Посполитой сделало бывшую межгосударственную границу внутренней административной. Любечское староство при этом осталось в составе Киевского воеводства.

В 1633 г. уряд любечского старосты перешел к магнатам Калиновским. Именно конфликт с Калиновскими и в дальнейшем привел любечскую шляхту в состав Войска Запорожского. В 1641 г. шляхта отказалась исполнять распоряжения старосты, который пытался распространить на нее свою власть и незаконно лишал ее представителей земель и шляхетства. Любечская шляхта обращалась за помощью к королевской власти, в том числе и в Люблинский трибунал [Кулаковский, 2006. С. 64]. Одними из первых ездили искать правду в Варшаву Николай Милкович и любечский войт Ярош Пантелеевич [РДИА, Ф. 1343, Оп. 30, Ч. 2, Д. 3397, Л. 7].

В этот период меняется государственная принадлежность Любечского староства. После того как в 1646 г. Московское государство получило Трубчевск, возник вопрос о компенсации Великому княжеству Литовскому потерянных земель. Чтобы избежать внутреннего конфликта, Варшавский сейм в 1646 г. принял решение передать Любечское и Лоевское староства в состав Стародубского повета Смоленского воеводства Великого княжества Литовского [Василенко, 1928. С. 291; Крикун, 1993. С. 145]. Интересно, что любечская шляхта, которая выставляла 600 всадников вооруженных «по казацки», после 1646 г. была приписана не к армии ВКЛ, а к Польской короне [Галубович, 2008. С. 38–44].

В середине XVII в. любечская шляхта в своем большинстве переходит на сторону Б. Хмельницкого. В 1648 г. местное население массово окочивается, тогда же Любеч теряет статус центра староства и становится центром казацкой сотни Черниговского полка до конца XVIII века. В 1650 г. гетман берет любечскую шляхту под свою личную протекцию. В листе черниговскому полковнику М. Небабе от 27 мая 1650 г. сделан акцент на необходимость защиты любечской шляхты от «своевольных людей». В сентябре гетман еще раз напоминает полковнику о необходимости защиты любечской шляхты от черни: «пилно мають постерегати, жебы бунти ниякие не всчиналися, а бунтовников теж без фолги на горле карати». Тогда же Любеч становится ранговым имением черниговских полковников [Универсали, 1998. С. 105–106]. В 1651–1653 гг. Любеч был захвачен армией ВКЛ во главе с Янушем Радзивиллом. В 1654 г. Любеч был назван «пустым» [Яблоновский, 1896. С. 379]. Интересно, что из всех сотен Черниговского полка Любечская была самой большой, а из любечской шляхты произошло немало казацкой старшины, в т.ч. ее представители занимали уряды черниговских полковников и гетманских администраторов.

Таким образом, несмотря на то, что Любеч за свою долгую историю несколько раз менял государственную принадлежность и имел разный владельческий статус — был феодальным замком, королевским владением, центром волости, староства и, наконец, центром казацкой сотни, основной его функцией, которая собственно и объединила все эти периоды, была сугубо военной. Город представлял собой центр военной организации края.

Литература

1. Василенко Н.П. Правне положення Чернігівщини за польської доби // Чернігів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. Київ, 1928.
2. Веремейчик Е. Поселение «Пойма» около Шестовицы близ Чернигова // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007.
3. Веремейчик О. М. Географічне середовище і розміщення сільського населення межиріччя нижньої Десни та Дніпра у IX–XIII ст. // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К. Ячменіхіна. Чернігів, 1998.
4. Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я. Мінск, 2010.
5. Галубовіч В. Спрэчкі пра далучэнне Лоева да Вялікага Княства Літоўскага на сойме 1646 года // Шостыя Міжнародныя Доўнараўскія чытанні (г. Рэчыца, 14–15 лістапада 2005 г.). Ч. 2. Гомель, 2008.
6. Голубовский П. История Северной земли до половины XIV века. Киев, 1881.
7. Госархив Черниговской области (ГАЧО). Ф.86. Оп.1. Д. 28. Л. 278.
8. Грушевський О. Любецькі справи другої половини XVI віку // Чернігів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. Київ, 1928.
9. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Т.1 (1648–1649 рр.) / Упоряд. о. Юрій Мицик. Київ, 2012.
10. Ефименко А. Литовско-русские данники и их дани // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1903. №1. Часть СССXXXXV.
11. Каманин И. М. Материалы по истории козацкого землевладения (1494–1668) // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1894. Кн. 8. Отд. III.
12. Капустін К. Археологічні пам'ятки Дніпровського Лівобережжя середини XIII–XV ст. (за матеріалами розвідок 40-х–70-х рр. XX ст.) // Сіверянський літопис. 2012. № 3–4.
13. Кемпа Т. Костянтин Василь Острозький (бл. 1524/1525–1608) воєвода Київський і маршалок землі Волинської. Хмельницький, 2009.
14. Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912.
15. Коваленко В. П., Казаков А. Л. Літописний Любеч: наслідки та перспективи досліджень // Чернігівська земля у давнину і середньовіччя. Київ, 1994.
16. Кондратьев 2006а – Кондратьев И. В. Древнерусские города-замки как центры формирования военно-служебного сословия Великого княжества Литовского // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012.
17. Кондратьев 2006б – Кондратьев И. Наслідки Люблінської унії 1569 р. для служебної шляхти Любецького староства Київського воєводства // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. Вип. 106. Серія «Історичні науки». № 9. Чернігів, 2012.
18. Кондратьев И. В. До джерел формування служебної шляхти Любецької волості // Сіверянський літопис. 2006. № 3.
19. Константинович Н. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Дополнения. Вып. IV. Чернигов, 1885.
20. Кордуба М. Земля свідком минулого: географічні назви як історичне джерело. Львів, 1924.
21. Кривошея В. В. Українське козацтво в національній пам'яті. Чернігівський полк. Т.1. Київ, 2012.
22. Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст. Кордонні воєводства у світлі джерел. Київ, 1993.
23. Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010.
24. Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої. 1618–1648. Київ, 2006.
25. Лазаревский А. Л. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т.1. Киев, 1892.
26. Лазаревский А. Л. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Чернигов, 1866.
27. Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.
28. Лепявко С. Українське козацтво у міжнародних відносинах (1561–1591). Чернігів, 1999.
29. Литовская метрика (1553–1567). Книга 564. Книга публичных дел 7. Вильнюс, 1996.
30. Литовская метрика. 10-я книга судных дел (1540–1541). Вильнюс, 2003.
31. Лучицкий И. В. Материалы для истории землевладения в Черниговщине и Северщине (1603–1645) // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. 1901. Кн. XV. Вып. I. Отд. III.
32. Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.
33. Мальченко О. Є. Укріплені поселення Брацлавського, Київського і Подільського воєводств XV – середина XVII століть. Київ, 2001.
34. Милорадович Г. А. Любеч в XVIII веке // Черниговские губернские ведомости. 1896. № 883. Часть неофициальная.
35. Милорадович Г. А. Любеч Черниговской губернии Городницкого уезда. М., 1871.
36. Павленко С. О. Мікротопоніми Чернігово-Сіверщини. Чернігів, 2013.
37. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Том I. Книга сеунчей и документы разрядного приказа о походе Лисовского. М.: Варшава, 1995.
38. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004.
39. Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге (РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Ч. 2. Д. 3397.
40. Русина О. Адміністративно-територіальний устрій давньої Чернігівщини на початку литовського володарювання // Історія адміністративно-територіального устрою Чернігово-Сіверщини: Матеріали наук.-практ. конф. Ніжин, 2007.
41. Русина О. Из спостережень над «Реестром Чернігівських границь» з 20-х рр. XVI ст. // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Праці історико-філософської секції. Т. ССXXV. Львів, 1993.
42. Русина О. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998.
43. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

44. Ситий Ю., Кондратьев І. Етапи існування Любецького замку в XIV–XVII ст. (за матеріалами археологічних досліджень Б.О. Рибаківа) // Сіверянський літопис. 2012. №5–6.
45. Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.
46. Універсали Богдана Хмельницького 1648–1657. Київ, 1998.
47. Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов, 1874.
48. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАУК). КМФ-36. Оп. 1. Д. 192. Волинская метрика. Книга РМ 2, 204 л.
49. Чернігівщина. Енциклопедичний довідник. Київ, 1990.
50. Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990.
51. Шекун А. В., Веремейчик Е. М. Селища IX–XIV вв. в междуречье низовой Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.
52. Яблоновский А. В. Левобережная Украина в XV–XVIII ст. Очерк колонизации // Киевская Старица. 1896. № LIII.
53. Яблоновський О. Чернігівщина // Сіверянський літопис. 1997. № 1–2.
54. Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
55. Bobiński W. Województwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy. Studium osadnictwa i stosunków własności ziemskiej. Warszawa, 2000.
56. Bogycki A. Grody a osadnictwo drobnorycerskie w ziemi dobrzynskiej // Przegląd Historyczny. 1972. T. LXIII. Zeszyt 2.
57. Borawski P. Z dziejów kolonizacji tatarskiej w Wielkim księstwie Litewskim i w Polsce (XIV–XVII w.) // Przeład Orientalistyczny. 1977. № 4.
58. Grabski A., Nadolski A., Nowak T. Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864. T. 1. Warszawa, 1965.
59. Jablonowski A. Lustracje Krolewsczyzn ziem Ruskich: Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII wieku / Źródła dziejowe. T. V. Warszawa, 1877.
60. Jablonowski A. W. Pisma. T. III. Ukraina. Warszawa, 1911.
61. Volumina Legum. Prædruk praw staraniem XX. Pyarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydaneq. T. III. Petersburg, 1859.